

Олег Котков

Огонь веков

Олег Григорьевич Котков

Огонь веков

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42547675

Огонь веков: стихотворения / Котков О.Г.: У Никитских ворот;

Москва; 2019

ISBN 978-5-00095-734-9

Аннотация

Олег Котков родился в городе Богородске Нижегородской области, живёт и работает в Москве. Ветеран военной службы, полковник в отставке, кандидат военных наук. После окончания Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища более 30 лет служил в Вооружённых Силах, в том числе многие годы находился на военно-дипломатической работе за рубежом. Имеет государственные награды. В настоящее время занимается международными проектами.

Член Союза писателей России. Пишет стихи, публикует их в периодических изданиях и альманахах. В своём творческом поиске автор затрагивает волнующие многих людей темы воинского подвига и долга, внутреннего мира и природы человека, смысла жизни, красоты, любви и счастья.

Содержание

Вместо предисловия	5
Огонь веков	7
Огонь веков	7
Солдат России	9
Фотография отца	11
Вечная память героям	13
Перед атакой	15
Пара старых ботинок	18
Щит золотой	21
Брат пришёл с войны	23
Бывает	27
Спецназ	29
Лёшка	30
Зачем	33
Война	34
Ценою жизни	37
Наш дом	41
Сполна	43
За хлебом	47
Не оспаривай глупца	51
Под счастливой звездой	57
Алые погоны	61
Молодые лейтенанты	64

Концерт для левой руки
Конец ознакомительного фрагмента.

66

69

Олег Котков

Огонь веков.

Стихотворения

Вместо предисловия

Эти строчки – вместо предисловия,
Чтоб куда-то вбок не занесло.
Нет здесь ни лукавства, ни злословия,
В лодке жизни стих мне как весло.

Эти строчки – вместо славословия,
Дескать, вот, мол, новый тут поэт...
Не люблю я это пустословие.
Праздным мыслям в книжке места нет.

Размышления, мечты, сомнения,
Настроенья и душевный крик.
Каждый сам своё составит мнение,
Из какого сора этот стих.

Из какого это поколения,
Юноша душой или старик,
Плавно ли стихов моих течение,

Глубоко ль в печёнки я проник.

Вам мои, Читатель, заверения,
А меня надежда будет греть:
Строк моих когда-нибудь прочтение
Вам поможет что-то одолеть.

Огонь веков

Огонь веков

Во мне горит огонь веков —

Далёкой битвы стук подков,
Походы вольных казаков,
В зарницах отблески штыков,
Отвага дедов и отцов.

В душе боготворить готов
Дыханье зреющих хлебов,
Сиянье дремлющих снегов,
Раздолье волжских берегов,
Сказанья муромских лесов.

Сквозь годы рвётся боль веков,
В Сибирь гонимых кулаков,
На Волге стоны бурлаков
И монотонный стук оков
Из декабристских рудников.

И нескончаем вечный зов,
Протяжный звон колоколов,
Печаль и плач солдатских вдов,
Разлука в песнях ямщиков,
Терпенье русских мужиков.

В моей душе гремят грома.
Россия – горе от ума!
Моя судьба, моя страна,
Восстань, Россия, ото сна!
Живи, свободна и сильна!

Солдат России

Что сделал ты, солдат России?
Ты просто выполнил приказ.
Тебя два раза не просили,
Ведь умирают только раз.

Солдат войны не начинает,
И не солдата в ней вина.
Солдат войны не выбирает,
Идёт, куда велит страна.

Солдат войны не выбирает,
Но коль приказ: «Вперёд!» и «В бой!»,
Он смерть по праву презирает,
Своей рискуя головой.

Солдат войны не начинает,
Не делит, кто нам друг, кто враг.
Солдаты войны завершают,
Держа к победе трудный шаг.

Шли на войну и шли из плена,
Шли в пекло яростных атак.
И слышали Берлин и Вена
Солдат России твёрдый шаг.

Солдаты, русские солдаты,
Хранители родной земли,
Покинувши дома и хаты,
Войну под корень извели.

Как много их, кто не вернулись,
Приняв последний в жизни бой!
Они в бессмертие шагнули,
Отдав сполна свой долг земной.

Мечтой солдата сердце билось,
Чтоб не вернулась вновь война
И чтоб навеки воцарилась
Над миром мира тишина.

Не за почёт, не за медали
Солдаты шли на смертный бой.
Собой Россию заслоняли
И думали о нас с тобой!

Фотография отца

Давно закончилась война,
По всем погибшим справив тризну.
Осталась карточка одна —
Отца, с фронтов борьбы с фашизмом.

Задумчив взгляд. Сквозь толщу лет
Как свет звезды ко мне стремится,

Чтоб дать единственный совет:

– Война не может повториться!..

Вечная память героям

Мы не знаем вас всех поимённо,
Но бессмертная память – жива.
И склоняются в бронзе знамёна,
И спекаются в горле слова.

Монолит и гранитные плиты
Стали символом общей судьбы.
Братья павшие, вы не забыты,
Жертвы трудной кровавой борьбы.

Помнят вас города и селенья,
Где пришлось жизнь свою вам сложить
За свободу и за избавленье.
Память эту нельзя заглушить.

И взметнулись под высь обелиски...
Будь ты проклята, эта война!
И на каждом есть скорбные списки.
Имена... Имена... Имена...

А потом – Неизвестный... И снова:
Неизвестный советский солдат.
Неизвестный солдат... Тяжесть слова
Давит память куда-то назад.

К тем боям и жестоким сраженьям,
К тем дорогам, которыми шли,
Не жалея себя, с отрешеньем
Ради нашей родимой земли.

Был порыв ваш единой лавиной,
Сокрушившей всемирное зло.
Наша память – в порыве едином,
И в долгу – сохранить, что прошло.

Сохранить ваше мужество, смелых
И готовых на подвиг людей,
Идеалом мальчишек незрелых,
Что гордятся Отчиной своей.

Будет вечная память героям,
Защитившим и спасшим страну.
Да даруется вечный покой им,
Своей жизнью убившим войну!

Перед атакой

Мы прибыли на линию огня.
Нам через час в атаку подниматься.
Холодный пот – ручьём, бьёт дрожь меня —
Я не дерусь, я никогда не дрался.

Обучен я врага колоть штыком,
Метать гранату, в поле окопаться,
И по-пластунски я могу ползком,
Но... страшно мне в атаку подниматься.

Меня ходить учили строевым
И быстро по тревоге собираться.
Три раза мы стреляли боевым,
Но я, как прежде, – не умею драться.

– Стрелял как Ворошиловский стрелок! —
Сказал мне командир. – Прицельно, метко.
Но нынче против нас – фашистский полк,
Превосходящий, донесла разведка.

Мне этим летом – девятнадцать лет.
И с мамой было тяжело расставаться.
Мне на прощание она дала совет
Беречь себя, но смерти – не бояться.

Нам командир сказал, что злость нужна,
Чтобы с врагом отчаянно сражаться.
И смерть за Родину – не так страшна.
Но... страшно мне. Я не умею драться!

Нам высота, сказали, – позарез,
И нас прислали им на пополнение.
Противник клином нам на фланг залез,
И принял командир своё решение.

Мы ждём команду в глубине траншей.
Туман ползёт полоской предрассветной,
Скрывая плотно в полосе ничьей,
Что будет дня грядущего приметой.

Мне накануне друг мой рассказал,
Как фрицы мать с отцом его убили.
Я слушал и смотрел в его глаза,
Они холодными и злыми были.

Таких рассказов много слышал я,
И я готов давить всех этих гадов!
Но только вот до нынешнего дня
Фашистов видел только на плакатах.

Нет, я не трушу, это просто нерв
Сомненья перемальывает в ярость.
Вчера мы были просто лишь резерв,
А нынче – смерть за Родину досталась.

С минуты на минуту бог войны
Обрушит на врага огонь возмездья.
Последние минуты тишины,
И, может быть, в последний раз мы вместе.

Я знаю, я – сумею, я – смогу!
Хоть первый раз сегодня буду драться.
Я до траншей фашистских добегу,
И пусть тогда они меня боятся!

Рукой сжимаю трёхлинейный ствол,
Сталь воронёная – как откровенье:
Я что-то там в себе переборол,
И – в сторону все страхи и сомненья.

Сигнальная ракета. Всё! Пора!
Я не могу в окопе оставаться!
И я – бегу. И я кричу: «Ура-а-а!»
Я – не страшусь. Я буду насмерть драться!

Пара старых ботинок

Пара старых ботинок
Нам осталась от деда.
В них ходил он на рынок,
В них он пил за Победу.

В них копал он картошку
И высаживал вишни,
Нас журия понемножку,
Чтобы в люди все вышли.

Обувая ботинки,
Дед расхаживал важно.
И смеялись морщинки
Вокруг глаз его влажных.

Пара старых ботинок
Помнит шаг вперевалку,
Помнит пляс вечеринок,
Сенокоса день жаркий.

На дорожках знакомых
Сильно поизносились,
Но в замену, на отдых,
Никогда не просились.

На родимом просторе
Деду всяк помогали
Да болячкам и хворям
В плен его не сдавали.

Послужили исправно
Ух как много годочков
И сейчас смотрят ладно,
Ждут лесов и грибочков.

Пара старых ботинок,
Два помощника деда,
В бахrome паутинок,
Как хранители лета.

Деда все мы любили,
Строгость в нём уважали,
Про войну слушать были
Часто к деду бежали.

Вспоминает дороги,
Блиндажи, переправы
И истёртые ноги
До мозолей кровавых.

Взгляд нацелит в ботинки,
Будто вновь он – под пули,
Вытирает слезинки:
– А друзья – не вернулись...

Паре старых ботинок
Вечно снится дорога,
Будто вышли в починок
Да забыты до срока...

С парой старых ботинок
Нам в наследство от деда
Дом под сенью рябинок
И медаль «За Победу».

Пара старых ботинок —
Как с картины Ван Гога.
Их хозяин покинул.
Они ждут у порога...

Щит золотой

Солнца луч разгорается прямо
Над дунайской волной голубой,
Каждый день упираясь упрямо
В герб с колосьями и со звездой.

Герб парит в венском небе вольготно,
Вознесшись высоко над землёй,
Где парят с ним в полёте свободном
Воин бронзовый, щит золотой.

Воспевает гранита величье
Подвиг наших советских бойцов.
И стоит монумент. Символичен
Страж из бронзы как память отцов.

Память тех, кто в жестоких сраженьях
Смог свободу других отстаять,
Кто не дрогнул, идя в наступленье
На безумную чёрную рать.

Воин бронзовый смотрит спокойно
На зелёную медь куполов.
Всё здесь дышит свободно, привольно,
Зелень парков, барокко дворцов.

Льются венского вальса аккорды.
Запах кофе, трамваев звонки.
Воин замер в спокойствии гордом,
Щит блестит, как дивизий штыки.

Тех дивизий, гвардейцы которых
Шли в смертельную схватку с врагом,
Чтоб спасти мир от варваров новых,
Мнивших каждого сделать рабом.

И знамёна, склонённые в вечность,
Блеском бронзы на солнце горят,
Утверждая, что здесь человечность
Жизнь отдавших, их память хранят.

Вена помнит и чтит, без сомненья,
Град чудесный над дивной рекой.
В небе – воин, как мира спасенье,
Щит в руках у него золотой.

Брат пришёл с войны

Мой брат живым пришёл с войны.
И через годы рассказал,
Как погибали пацаны
И как их старшина спасал.

Сказал, как сбили самолёт,
Что бомбы нёс на Ленинград,
И как он пережил налёт,
И был живым остаться рад...

Лишь много позже осознал,
Что мог и не прийти домой,
И меру счастья так узнал:
Сидит вот с нами здесь, живой!

На фотографии тех лет
Он – в бескозырке набекрень,
В тельняшку новую одет
И руки в боки на ремень.

Вой самолётов злил его:
– А что, коль вражий самолёт?!
Не на подлёте бить его!
Вдогон сбивать его полёт!

Своих наград он не носил,
Он жил как все, всегда шутил,
Хранил в себе, что пережил,
И байки мастерски травил:

– Раз, помню, в детстве наповал
Велосипедом сбил быка. —
И смеха рос девятый вал,
И надрывали мы бока.

– Земля есть тот же чемодан,
Такая ж плоская, с углом. —
Бил красноречия фонтан
О том, как жить своим умом.

Не нужно в угол загонять
Тех, кто и так уже в углу,
И надо больше воли дать
Кому покой не по нутру.

В беде других не оставлять
И знать, что нет чужой беды.
А нищим – по лопате дать,
Когда у нищих нет еды.

Он вечно что-то мастерил,
Был непоседа, шепутной.
Тех трёхэтажным материл,
Кто труд не уважает свой.

Рюкзак с картошкой на плечах
Он гордо нёс, как тот же флаг,
И знал он: дело не в речах,
А лень и блат – наш главный враг.

Освоил фотоаппарат,
Детей снимал и всё подряд,
Альбомы – фотографий ряд —
Ту память бережно хранят.

Он заливал за воротник,
Душа в компании любой.
Но мало кто в него проник,
Какую заливал он боль.

Я часто думал, что мой брат
Был опалённым той войной,
Как множество других солдат,
С войны вернувшихся домой.

Сердца их ныли от досад
За тех, кто дал последний бой,
И рвал их внутренний разлад,
Что друг – в земле, а он – живой.

Брат не сдавал, не отступал.
Он защищал, как Ленинград.
Чужую боль переживал

И не боялся он преград.

Он про вьетнамскую войну
И про Даманский говорил,
Что парни там – за всю страну,
И он бы, если б мог, там был.

Он с полуслова понимал.
Он жизнь, как есть, всегда ценил.
Он не юлил, не угождал,
Он жил, на всю катушку жил.

И жизнь менялась, потому
Что больше было их, как он,
Трудяг, осиливших войну,
Прошедших через тот огонь.

Как много в жизни испытал
С войны вернувшийся брат мой!
Он жил, любил, страдал, мечтал.
Он настоящий был, живой.

Бывает

Бывает, всё идёт на лад,
И жизнь – как светлый райский сад
Под звуки бравурных кантат,
А думаешь: «На кой он ляд,
Такой вот жизненный расклад?!»

Бывает, жизнь – крошечный ад,
Девятый вал забот в накат,
Мозг, задыхаясь, бьёт в набат!..
И ты – как выживший солдат,
Простой былинке в поле рад.

Что краше – солнечный закат
Иль небо в тучах, дождь и град?
В чём выбор, бой или парад?
Преодоление преград
Милее неги и услад?

В боях с собою все молчат,
И лишь глаза одни кричат,
Что весь твой мир сомнением сжат.
И после – редко говорят,
Что одолеть в себе был рад.

Так в чём он, настоящий лад

С собой, с людьми и с жизнью, брат?!
Иль это всё же не разлад,
Коль грома яростный раскат
Дороже рая во сто крат?

Бывает, люди говорят,
Как счастье бережно хранят.
Но многие – мечтой горят,
И им их истины гласят:
В сиропе звёзды не горят!

Спецназ

Нас породнил с тобой спецназ,
Броски, походы, боли, дали.
Он, как и жизнь, один у нас,
С ним жили, верили, мечтали.

Спецназ – как затяжной прыжок
Длиною в жизнь, судьбою – в вечность.
Отсюда в неурочный срок
Уходят парни в бесконечность.

Спецназ, ты – правда без прикрас,
Мужской суровой дружбе верен.
С тобой мы – раньше и сейчас.
В тебя, спецназ, как в Бога верим.

Остались только имена
Тех, кто в разведку шёл когда-то.
Придут другие времена,
Но вечно в памяти ребята.

Нас породнил с тобой спецназ,
Броски, походы, боли, дали.
Он, как и жизнь, один у нас,
С ним жили, верили, мечтали...

Лёшка

*Светлой памяти друга Алексея Туркова,
кавалера орденов Красного Знамени и Красной
Звезды, погибшего при выполнении боевой задачи в
Афганистане*

Маме в эту ночь не спится —

Утром сына провожать.

По щеке слеза катится.

– После будешь плакать, мать!

– Лёшка, родненький мой Лёшка,

Дай в последний раз обнять,

Да присядем на дорожку...

– После будешь плакать, мать!

Где найти такие силы —

Не пустить, вернуть, не дать!

– Лёшка, Лёшенька мой милый!..

– После будешь плакать, мать!

– Хоть бы отпуск был подольше...

– Полно, мама, причитать.

– Не увидимся мы больше...

– После будешь плакать, мать!

Из далёкого далёка
Будешь сына поджидать
У окошка одиноко,
После будешь плакать, мать!..

Горы. Камни. Зной струится.
Головы не приподнять.
Автомат в руках дымится.
– После будешь плакать, мать!

Жив. Мы выстояли. То-то
Будут гады вспоминать!
Орден здесь я заработал.
Разве можно плакать, мать?!

– Где ты, Лёшенька мой, где ты?
Не слышать и не видать.
Что-то долго писем нету...
– После будешь плакать, мать!

Поиск. Рейд. Налёт. Засада.
Защитить. Пресечь. Не дать.
Всё мы делаем как надо.
Можешь быть спокойна, мать!..

Пуля – дура, как ты можешь
Человека убивать?!
Вновь сейчас свой счёт умножишь,
После – будет плакать мать.

Рикошетом, на излёте.
Будут три часа спасать.
После – в цинке, в самолёте.
После – будет плакать мать.

– Лёшка мой голубоглазый,
Где теперь тебя искать?!
Помню, по деревьям лазал.
Помню: «Будешь плакать, мать».

Стать спецназовцем собрался —
Не берись разубеждать.
Как светло ты улыбался:
«После будешь плакать, мать!»

Вот, сынок, твоя гитара.
Некому на ней играть.
Вот и всё. И я уж стара...
Плачет. Плачет. Плачет мать.

Зачем

О том ли мы с тобой мечтали,
Далёкой юности друг мой?
Того ль отчаянно так ждали
Всей истомившейся душой?

Зачем тогда, приняв страданья
Как высший жребий свой земной,
Шли чрез любые испытанья,
С непреклонённой головой?

Зачем у многих нас седины,
А многих вовсе рядом нет?
Зачем у пропасти руины
Нам застыт будущего свет?!

В нас целят тысячами молний,
То недалёт, то перелёт.
А нас уж скоро переполнит
Души непониманья лёд...

Война

Опять в висках стучит война.
Ты опрокинь стакан до дна.
Опять «двухсотых» слать родным.
Майор наш стал совсем седым.
Война!..

Не слушай, что там говорят.
Спроси у наших здесь ребят.
Плесни ещё, брат, всем вина.
Кому – конфликт, а здесь – война.
Война!..

Склонилась чья-то голова,
И приняла её трава.
Вчера был друг, сегодня – враг,
А завтра – кто-то просто так...
Война!..

О чести нечего судить.
Оставь, браток, мне докурить.
Здесь, знаешь сам, передний край,
Лишь только на себя пеняй.
Война!..

Коль будешь ранен – не стони,

А выбирайся из брони.
Здесь каждый раз – последний бой.
Стреляй и помни, мы – с тобой.
Война!..

Помянем братьев. Жизнь одна.
Тост третий – молча и до дна.
Такая, видно уж, судьба.
Вновь, слышишь, началась пальба.
Война!..

Зачем брать эти города,
Терять друзей здесь навсегда?
Опять «Вперёд!», опять «Ура!»,
Ни завтра нет здесь, ни вчера.
Война!..

И пляшут бесы на крови
В зловещих отблесках зари.
Куда, зачем, к чему «вперёд»?
И кто их, к чёрту, разберёт?..
Война!..

Мы с честью выполним свой долг,
Не подведём наш славный полк.
Здесь подлецов и трусов нет.
Надень, брат, свой бронезилет.
Война!..

О чём мы спорим, говорим?
Есть от Отечества лишь дым.
Есть от Отечества лишь дым!
А мы всё спорим-говорим...
Война!..

Ценою жизни

– Локальный затяжной конфликт, —
С экрана диктор говорит.
А у окна застыла мать.
Ей завтра сына принимать.

– В закрытом цинковом гробу
Мой сын появится в дому...
Ну как же так?! Зачем?! Герой!..
Он – мой! Он – мой!.. Он только мой!..

За Родину погиб вдали
От матушки – родной земли,
А завтра он вернётся к ней,
Лежать в сырой земле своей.

Ну как же это?! Боже мой!
Пусть сын придёт ко мне живой!..
Не верю я, не верю вам,
Всем вашим этим вот словам!

Зачем сынов рождает мать?
Чтоб на войну их провожать?!
И что нам в ней, скажите мне,
В далёкой этой стороне?

Был сын рождён не воевать,
Детей растить и поднимать.
Им скажут: «Больше нет отца».
Как нож в их детские сердца!

А мне теперь как доживать?
Всё отдала ему, как мать.
В любви растила, чтоб сынок
Свой путь пройти по жизни смог.

И что теперь? Пришла беда...
Куда тут денешься? Куда?!
А может, так растила я,
И виновата в том семья?!

Учили мы, чтоб смелым был,
Чтоб только правду говорил,
Что слабым нужно защищать,
А старых – чтить и уважать.

Что нет чужой беды у нас.
И – помнить, кто Отчизну спас
От лютых извергов-врагов.
Впитал наш сын. И был готов

За правду твёрдо постоять,
Всех, кто в опасности, спасти.
Умел он дружбой дорожить.
И в армии решил служить.

Зачем, скажите, почему
И кто затеял там войну?
И почему пожар вдали
Без нас тушить там не смогли?

Ну что за жизнь, коль в чёрный час
Уходят лучшие из нас?!
А вы спросили матерей?!
Ну как мне жить с бедой своей?!..

Вопросов много... Где ответ?
Его как не было, так нет...
Уж занимается заря...
Нет! Прожил жизнь мой сын не зря!

В ответе за свою страну,
За всю родную сторону,
Любил её, как любят мать,
Готов был жизнь свою отдать...

С экрана диктор вновь твердит:
– Локальный ширится конфликт,
Всем нам террором он грозит.
Но наша сила – победит...

– Побольше бы таких, как он. —
Мать смотрит вдаль на небосклон. —
Что супостаты вновь творят!..

Но наши парни – защитят.

Не зря же мы растили их,
Отважных, смелых, мировых,
Чтоб каждый смог героем стать,
Ценою жизни побеждать...

...Как трудно это мне признать...
Хоть разумом пора понять.
Душа болит, душа ревёт!
Тоска на части сердце рвёт!

Да, труден долг у матерей,
Своих отдавших сыновей,
Чтоб Родину могли спасти...
Нам до могилы крест нести...

И нескончаем вечный зов...
И горек плач солдатских вдов
И плач солдатских матерей,
Ох... по кровинушке своей!..

Одна... что тут ни говори,
А слёзоньки свои утри.
Сейчас придут... Пора. Пора...
Я буду в этот час тверда.

Наш дом

Одетый солнечным стеклом,
На перекрёстке дум и мнений
Стоит обычный с виду дом,
Как пирамида направлений.

Здесь в кабинетной тишине
Кипит незримая работа,
Чтоб кто-то как-то кое-где
Дурное не задумал что-то.

Дом – в поле воин не один,
Творит здесь коллективный гений.
Величье Родины – аршин
Для всех грядущих поколений.

Незыблем жизненный закон,
Всегда вначале было слово.
Слова здесь через Рубикон
Идут на переплавку словно.

Скрипит перо. Задумчив шеф.
Дымится чья-то сигарета.
Здесь доброй вести ждут от тех,
Кого сегодня рядом нету.

С любой из дальних всех сторон
Дом связан тысячами нитей,
И добрый свет его окон
В душе вы бережно храните.

Сполна

Расплатилась со мной Родина сполна.
На груди моей сияют ордена.
И звенят медали мерно на груди.
Эх!.. Что там ждёт нас впереди?!

Всё, что было, принималось на ура.
Но сменить одежду нам пришла пора.
Значит, нужно всё сначала начинать.
Только, знаешь, это нам – не привыкать!

Так уж было и так будет на Руси,
Что дано судьбой, ты всё перенеси.
Этим ныне и вовек она сильна,
Войн огнями обожжённая страна!

Блеск погон, бывало, застил нам глаза,
А взгляни вокруг – и катится слеза.
Всё, что нужно было, сделали сполна.
Но другого ждёт теперь от нас страна!

Не пойму я, отчего душа болит.
Столько сделать нам, как видишь, предстоит.
Не поверю я причёсанным словам.
Всё, что нужно в жизни, сделать должен сам.

Говорят, что впереди успешный год.
Говорят, что всё как следует идёт.
Ну а если в тех словах одна вода?
Что в итоге здесь останется тогда?!

Не спешите, что там будет, говорить.
А попробуйте как есть, по правде жить.
Жизнь порою больно хлещет, как бичом.
Только нам, в ней закалённым, нипочём.

Не пугает нас суровый уют.
Знаем, песни здесь по-новому поют.
Мы привыкли жить открыто всем ветрам,
Там мы сделаем уют, где нужно нам.

Говорят, что перед нами все пути.
Говорят, что нужно вновь себя найти.
Не пристало, что не теряно, искать,
Но не будем мы на лаврах почивать.

Не учите нас, как правильнее жить.
Не умеем мы отнятое делить.
От берёз родных нам некуда бежать.
Красоту и силу будем умножать.

Не учите вы нас Родину любить.
А уймите, кто горазд в ладоши бить.
Жизнь по правде – не келейная игра.
Переменам, видно, вновь пришла пора.

Не пора ли, братцы, сверить нам часы,
Как когда-то у нейтральной полосы.
Душу греет нам родных курантов бой.
Но часы свои имеем мы с тобой.

Если завтра снова к нам придёт война,
Может вновь на нас рассчитывать страна.
Из запаса нашу доблесть соберём,
Лишь шепните, и на помощь мы придём!

На судьбу лихую нечего пенять.
За героически павших – третий тост поднять!
А потом – по полной вновь, на посошок.
И – вперед, за спину бросив вещмешок.

Ждут просторы, ждёт дорога, ждёт родня.
Не дождутся они прежнего меня.
Ждёт на поле дальнем каждый колосок
Крепкий голос, а не прежний голосок.

Не понятно, братцы, тут с чего начать.
Ясно дело, что не будем мы кричать.
Будем с толком разговоры говорить.
Чтобы тропку в жизни ладную торить.

Жизнь вокруг понять пытаюсь без прикрас.
Всё, что было раньше, – это про запас.
Снова я хочу мечту свою найти.

Без мечты по жизни вовсе нет пути.

Будут снова дуть холодные ветра.
Будет завтра всё же лучше, чем вчера!
Сердце, ты меня тоской не бреди.
Да!.. Жизнь большая впереди!..

За хлебом

Гражданская война. Без хлеба
Сидит семья. В смятенье мать:
– Муки или краюху где бы
Поехать выменять, достать?

Была учительницей в школе,
Да где уж!.. Нынче не до школ.
Торговкой станешь поневоле,
Чтоб выжить. Голод в дом пришёл.

Не я одна. Всем нынче плохо,
Живётся тяжко на Руси.
На хлеб нигде не заработать,
Хоть подаяние проси!

И мрёт народ. А кто – по миру
Идёт с протянутой рукой.
Кулак в деревне стал кумиром,
Ведь он же хлеб имеет, свой!

Совсем пропасть! Да тут соседи
Сказали: «Коль голодный год,
По деревням по хлеб поедем.
На поезде, потом – в поход».

Кругом война. Без расписанья
Снуют по рельсам поезда...
Как тяжек с дочкой час прощанья,
Всё мамино лицо в слезах.

– Евфалия, – мы так решили,
Как маму дочку нарекли...
Заботами о ней и жили,
От всех напастей берегли.

– Не плачь, дочурка дорогая!
– Дай, мама, хлебца пожевать!
– Дождись меня, моя родная!..
Спешит на полустанок мать...

Проста или сложна наука:
Где хлеба взять, коль нет его?
Деревни все бедны, разруха,
Запаса нет ни у кого...

Трудны осенние дорожки.
– Возьми за хлеб, ради Христа!..
В платочке – брошка и серёжки.
И дождик льёт как из ведра.

За полустанком полустанок,
Собачий лай из всех дворов,
И не спасает полушалок
От дикой ярости ветров.

Трясаясь в нетопленном вагоне,
Почувствовала жар и дрожь...
Вдруг мысль в горячечной истоме:
«Испанка. Вот и всё... Ну что ж...

Ах, жаль, что дочку не увижу
И не смогу её обнять...
Сквозь мрак её лицо я вижу!..
И голос: – Хлебца пожевать...»

Рыдали в голос, схоронивши:
– Что сделать мы ещё могли?! —
Брели по деревням, поникши
И плача: – Не уберегли!..

Про то рассказывала мама
Мне в детстве, помнится, не раз.
Стучал потом в висках упрямо
Печалью сдавленный рассказ.

Смотрел на бабушкино фото.
Цветущая... Евфалия...
И в сердце шевелилось что-то,
Как будто жил в то время я.

Сто лет минуло. Боль не скрою.
И вечно буду помнить я,
Как в раннем детстве сиротою

Осталась мамочка моя...

Я в жизнь вступал совсем не слепо,

Меня учила в детстве мать:

– Ешь всё, чтобы сытнее, с хлебом,

И крошки тоже собирай.

Не оспаривай глупца

– Лучше землю пахать всей артелью.
И артелью же строить дома.

– Мы согласны, не место безделью.
Только пьяни и лодырей – тьма.

– За работу, кто хочет работать.
Ну а те... Есть народец пустой.
Сможем мы на житьё заработать,
Чай, без них, лишь своей головой.

Землю, пашни отдали народу,
Только знай что паши да паши.
Воевали за эту свободу,
Чтоб не гнуть горб всю жизнь за гроши.

– Мы – с тобою в артель, действуй, Гриша!
Ты у нас председателем будь.
Мы железом покроем все крыши.
Ты его где-нибудь раздобудь.

Год за годом трудились артелью,
День за днём, от зари до зари.
Ни минуты пустому веселью,
На ладонях горят волдыри.

Есть достаток, рождаются дети,
Труд – не в прорву, растут закрома.
И завидуют лодыри: «Эти
Вон уж кроют железом дома!..»

Коренной перелом. Все – в колхозы!
Впереди – записной горлопан.
– Всё тут общее! – сыплет угрозы. —
И артельщиков – тоже. Есть план!

Не хотят? Возражают? Постой-ка!
Да мы вышлем, пожалуй, всех их.
Недовольным – особая тройка,
Перековка. Трудом на других.

– Председатель у них задаётся,
Как быть с ним? – раздаётся вопрос.
В тот же день на него подаётся
Про железную крышу донос.

Тройка пишет решение простое:
«Раскулачить. Сослать. Он – кулак».
Вспомнил Пушкина он поневоле —
Не оспаривай, если дурак.

– На строительство, роют там где-то
Беломорско-Балтийский канал.
С конфискацией в пользу Совета
Дома, где проживал он, чтоб знал!

– Мы не будем миндальничать с ними,
Расплодились под носом у нас!
Поприжмём, уравнием с другими,
Ликвидируем всех их как класс!..

– Он к тому же ещё многодетный?!
Дети? В бане пускай поживут.
Пусть почувствуют, как оно бедным.
Ничего, как-нибудь не помрут!..

Сердце сжалось. Лишь скрежет зубовный.
Как жить дальше? Всё нужно с азов...
Сильно в спину толкает конвойный:
– По вагонам!.. – И лязгнул засов.

Беломорско-Балтийские годы
Не смогли ни сломить, ни согнуть.
Всё он вынес – болезни, невзгоды,
Тяжкий труд – к возвращению путь.

Но в деревню уже не вернулся.
Слишком злы у людей языки.
А дела, если мастер, найдутся.
Начал плотничать с лёгкой руки.

Топором, молотком и пилою
Он владел. Строил, как и пахал.
Шёл по жизни дорогой прямою.

Лёгкой жизни себе не искал.

– Всякий сам по себе древо рубит.
Греет плотника острый топор.
Рук мозоли не ведают скуки. —
Много присказок знал он с тех пор.

– Лишь кору сняв, бревно ты узнаешь. —
Мах широкий продольной пилой.
– И людей – по одежке встречаешь,
Да не всех приглашаешь домой.

Дом отстроил и поднял детишек.
И – война. От звонка до звонка.
Знал он всё о войне не из книжек.
Слишком память была глубока...

Люди строились. Снова с артелью
Дом за домом рубил, поднимал.
Но, столкнувшись с времён тех метелью,
Он всю жизнь справедливости ждал.

Дочь одна от отца отказалась,
Чтоб учиться могла поступить.
Эхом в сердце ему отозвалось,
Как с клеймом незаслуженным жить?!

Годы, тридцать иль больше, минули,
Култ развенчан и «левый загиб».

Стал писать, что и с ним – перегнули,
Чтоб исправили тот «перегиб».

Долго так обивал он пороги.
Но добился и правду нашёл.
Прокурорские выводы строги:
Без вины на этап он пошёл.

И той тройки особой решенье
Отменили, на радость семьи.
И теперь нет на нём преступленья.
Нет клейма! Не судим, извини!

Он в глаза всем смотрел людям смело,
Не держал он обиды на власть.
Высшей меркой его было дело,
Избегал тех, кто слишком горласт.

Ту, с казённой печатью, бумагу,
Вновь и вновь прочитав, убирал,
Помнил каналармейцев ватагу
И суровый свой лесоповал...

– Что уж проку-то в этой бумаге?
Срок отмотан, и годы прошли...
– Чтобы детям не шили тот лагерь,
Чтоб свободно по жизни пошли.

И махая косой на покосе

Или с яблонь срывая плоды,
Он как будто смотрел в нашу осень
Взглядом, полным святой доброты...

Грозы те уж давно отгремели.
Но когда вспоминаю отца,
Слышу песню рабочей артели
И его «не оспорить глупца».

Под счастливой звездой

Я гордился страной
И гордился собой,
Я гордился с тобой
Нашей дружбой мужской
И что вместе гордимся великой страной.

Я гордился страной —
Нашей стройкой большой,
Где единой судьбой
Жили светлой мечтой,
Под счастливой и вечной, казалось, звездой.

Под звездой огневой,
Под звездой фронтовой,
Где был клятве святой
Верен каждый герой,
Где был каждый готов за Отчизну на бой...

Был уклад вековой,
Был настрой боевой,
Путь был ясный, прямой,
Хоть не ровный, с борьбой,
Но вдруг кто-то слепой громко крикнул: «Застой!...»

Поднялся дикий вой.

Кто-то с чёрной душой
Да с дырявой башкой
Пыхнул злобой лихой:

– Чем гордишься ты, мальчик наивный большой!

Горлом взял этот рой
Край наш милый, родной.
Над водой ключевой —
Дух болотный, гнилой.
И почувствовал я, этот мир стал иной.

Говорильщик пустой
Для страны стал чумой.
Был наивный такой?
Или куклой чужой?
Или слаб был кишкой?..
А потом кто-то мутный сказал всем: «Отбой!»

– Есть рецепт дармовой!
Всем всё будет с лихвой! —
Долго брызгал слюной
И толпе пел: – Я – свой! —
Властолюбец хмельной пешкой стал проходной...

Словно грязь с мостовой
Замесили с мечтой,
Надругавшись пилой
Над великой страной
Под счастливой и вечной, казалось, звездой.

И открыл я глаза.
Где же наша страна,
Та большая страна?
Что за «эта страна»,
Где кричат, будто гордость теперь не нужна?!

И возникла стена.
Предо мною – стена.
Перед всеми – стена.
И внутри нас – стена,
Из беспамятства, злобы и страха она.

Говорят мне: «Постой!
Всё в порядке, друг мой!
Не страдай чепухой
Со святой простотой,
Ведь у каждого времени свой есть герой.

Ты ж с умом, не больной.
Нет страны той большой.
Глянь, остаток сухой:
Виноват рулевой!
И не надо тужить о той жизни былой.

Что ты ходишь смурной?!
Есть закон мировой.
Будет новый устой,
Здесь простор – чумовой,

Рынок есть сырьевой,
Будем строить мы климат теперь деловой!»

Ну а я – сам не свой.
Дух внутри не простой,
А прокисший, густой
Да с прогоркшей слезой,
И весь мир вмиг мне стал непомерно пустой.

Верю в то, чего нет.
Жду растаявший свет
Череды прошлых лет
В переулках судьбы,
В схватках прежней борьбы,
Чтоб сказать всем: «Привет!..»

.....

Света нет... Света нет... Света нет...

Алые погоны

Алые погоны
На плечах горят.
Юности вдогонку
Как бы говорят:

– Послужить Отчизне
Всем, что в сердце есть,
Не жалея жизни,
Так велит нам честь.

Побеждать наука —
Не одним числом.
Рядом – локоть друга,
Чтоб не в грязь лицом.

Тяжело в ученье —
Справимся в бою.
Здесь куём уменье,
Выучку свою.

Чтим бои, походы
Армии своей.
Мы – молодые всходы
Для её полей.

Не пристало плакать,
Ныть и уставать.
Может, завтра Альпы
Преодолевать!..

Отблистал парадный
Сводный батальон.
Позади наряды,
Переменок звон.

Отгремят подковы.
– До свиданья, плац!
А навстречу – новый,
Незнакомый класс.

– До свиданья, ротный,
Взводный командир.
Мы уходим в новый,
Неизвестный мир.

Светлый и суровый
Профиль на груди.
Путь по жизни новый —
Служба впереди!

Алые погоны
В блеске эполет...
В путь! И пусть всего нам —
По семнадцать лет!

Молодые лейтенанты

Молодые лейтенанты,
Белый ромбик на груди.
Самобытные таланты,
Что-то ждёт вас впереди?

Третьего тысячелетья
Начинающая рать,
Вам от старших поколений
Эстафету принимать!

Что вы в жизнь с собой несёте,
С чем идёте за порог?
Верим, что не подведёте,
Труден путь или далёк.

Вам космические дали
И созвездия близки.
И совсем родными стали
В воскресенье марш-броски.

Нерастроченная сила,
Глаз серьёзных глубина.
Ждёт, ребята, вас Россия,
Верит крепко в вас страна!

Не пугают непогоды
Непростых и бурных лет.
По душе – бои, походы,
Вкус одержанных побед.

Две звезды совсем не с неба
Вам упали на погон.
Коль пять лет курсантом не был —
Их не жди, таков закон!

Честь, достоинство и смелость —
Главный в жизни ваш багаж.
Пусть мечтаний дерзновенность
Закаляет выбор ваш.

Сотканная из мгновений
Жизнь идёт, зовёт вперёд.
В путь! И никаких сомнений.
Верь, удача к вам придёт!

В добрый путь, младое племя,
Лейтенанты-молодцы!
Вам служить настало время
Так, как деды и отцы!

Концерт для левой руки

*Фортепианный концерт
для левой руки.
Морис Равель*

Звуки музыки душ тайники
Раскрывают и лечат сердца.
Стал концертом для левой руки
Гром орудий и посвист свинца.

Композиторы – в строй, коль война.
И не все возвратились домой.
Те, кто выжил, хлебнули сполна,
Кто безрукий, кто слеп, тот – хромой...

Потрясённый страданьем, Равель
Нотный стан переплавил с войной,
Чтобы друг мог исполнить теперь
Весь концерт только левой рукой...

Инструмент весь дрожал. Пианист
Бил по клавишам левой рукой,
Как и тот виртуозный артист,
Что на фронте расстался с другой.

Одноруко играл за двоих...

Пели скрипки мелодии в такт,
Выжигая в печёнках моих,
Что война человечеству – враг!

Звуки маршей, тревожный набат,
И надежды призывный мотив.
Поминали погибших солдат
Тем концертом для левой руки.

Уводила мелодия вдаль,
В душу целила звуков шрапнель.
Разливалась по залу печаль,
Словно в скорбных тонах акварель.

Все аккорды – лишь левой рукой.
Сверлит мозг осознания труд:
Весь тот первый пожар мировой —
Кровожадный военный абсурд.

И дыханье своё затая,
С замиранием сердца в груди
Представлял я боёв тех поля
И солдат, что в боях полегли.

И под музыку думалось мне,
Так душевно играл пианист,
Не о чьей-то конкретно вине,
А о том, как путь к миру тернист.

Мир подлунный легко потерять.
И надежды на мир далеки.
Не пришлось бы кому-то писать
Вновь концерт для одной лишь руки!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.